

Александр Баженов

**Бажаник. Семь
сфер. Книга VII
Исцеление**

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер.

Книга VII Исцеление

<https://litres.ru/74090363>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пройдя через битвы с силами тьмы, микромира и ноосферы, Артём обращается к самому сложному искусству — исцелению. Он поступает в медицинский колледж, чтобы стать фельдшером и научиться отличать внешнее негативное воздействие от внутреннего настроя человека, влияющего на здоровье.

Вместе с верными друзьями и любимой Алисой он создаёт школу, где учит пациентов активировать семь сфер, использовать амулеты, обереги, талисманы и самовнушение как дополнение к традиционной медицине.

Цитаты Гиппократ, Боткина, Франкла, Ослера и других великих врачей переплетаются с лирическими отступлениями о природе здоровья как гармонии тела и души. Эта книга — о том, что исцеление начинается с веры, а величайшее лекарство — любовь.

Содержание

Оглавление	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Бажаник. Семь сфер.

Книга VII Исцеление

Оглавление

Глава 1. Анатомия света *Март. Начало учёбы в медицинском колледже* Артём поступает в медицинский колледж, чтобы стать фельдшером и научиться отличать внешнее негативное воздействие от внутреннего настроения человека. Первый урок анатомии. Знакомство с преподавателем Иваном Петровичем. Размышления о бабушке-враче и её мудрости. Цитаты Гиппократ, Галена, Эскулапи.

Глава 2. Ученики и скептики *Апрель. Два месяца учёбы* Семинар по психосоматике: спор с Денисом, который считает психосоматику лженаукой. Артём приводит научные аргументы — исследования Адлера, Перт, Франкла. Появление первых учеников: Лена, Михаил, Пётр. Денис остаётся скептиком, но начинает слушать. Цитаты Бэкона, Осслера, Бернара.

Глава 3. Практика исцеления *Май. Три месяца учёбы* Первый приём пациентов под руководством Ивана Петровича. Женщина с психосоматическими болями — исцеление через разговор. Мужчина с болями в суставах — случай энергетического вампиризма. Коррекция медикаментозного

лечения. Спор с Денисом, который приходит в сад. Цитаты Вейль, Ослера, Пирогова.

Глава 4. Фельдшер Июнь. *Выпускные экзамены* Артём сдаёт экзамены и получает диплом фельдшера. Праздник в саду с друзьями. Первая работа в сельском фельдшерском пункте в Ольховке. Встреча с Анной Степановной, местной знахаркой, которая знала бабушку Артёма. Первый пациент — мальчик Ваня с приступом астмы. Цитаты Дьюи, Кьеркегора, Боткина, Кеннона, Бенсона.

Глава 5. Пробуждение внутреннего света *Август.* *Два месяца работы в Ольховке* Артём учит пациентов активировать сферы для исцеления. Работа с Анной Степановной — активация всех семи сфер пожилой женщины. Обучение деревенских женщин диагностике ауры, зарядке амулетов, использованию камней. Работа с самовнушением, аффирмациями, зеркальной сферой. Цитаты Алкмеона, Чопры, Бейтсона, Бенедетти, Павлова, Джеймса.

Послесловие О призвании фельдшера. О слушании как высшей форме исцеления. О том, что исцеление — это путь, а не событие. Цитаты Швейцера, Гиппократ.

Глава 1. Анатомия света

Весна в яблонево́м саду начиналась робко, словно пробуя почву подтаявшим снегом. Первые проталины темнели на склонах, и в них уже зеленела прошлогодняя трава. Воздух пах влажной землёй и чем-то неуловимо новым — тем, что

бывает только в марте, когда зима ещё не ушла, но уже сдалась. Я стоял на крыльце и смотрел, как Алиса идёт по саду с корзиной: она собирала прошлогодние яблоки, уцелевшие под снегом, — сморщенные, но всё ещё сладкие.

Она остановилась, заметив мой взгляд.

— Ты опять на меня смотришь.

— Я всегда на тебя смотрю. Ты же знаешь.

— Знаю. — Она улыбнулась, и её улыбка, как всегда, началась в уголках губ и медленно разлилась по лицу, достигая серых глаз с янтарными крапинками. — Но сегодня ты смотришь как-то иначе. Что-то случилось?

— Я думаю. О бабушке. О её книге. О том, что она была врачом.

— Ты никогда не рассказывал подробно.

— Она была не просто врачом, — сказал я. — Она была целителем. Не только тела — души. К ней приходили люди, которым не помогали лекарства. Потерянные, отчаявшиеся, разувверившиеся в себе. Она сажала их на стул, наливала чай и говорила: «Расскажи мне свою историю. Но не так, как ты её помнишь. А так, как ты хотел бы, чтобы она была». И пока они рассказывали, она слушала. И часто этого было достаточно, чтобы человек начал выздоравливать.

— Слушание как лекарство, — задумчиво произнесла Алиса.

— Да. Она знала то, что потом подтвердила наука: слово лечит. И слово калечит. Всё зависит от того, с каким наме-

рением оно произнесено.

— Ты хочешь пойти по её стопам?

— Не совсем. — Я помолчал. — Я хочу понять. Мы столько сражались с внешними врагами: Адитьи, Аннигил, Архитектор, Эринии. Но самые опасные враги — они внутри. Болезнь. Боль. Страх. Отчаяние. Мы умеем исцелять светом сфер. Но я не всегда понимаю, где заканчивается внешнее воздействие и начинается внутренний настрой. Где грань между порчей и самовнушением? Где граница между вирусом и тоской, которая ослабила иммунитет?

— И что ты хочешь делать?

— Учиться. Получить образование. Настоящее, земное. Фельдшер — это первый шаг. Бабушка говорила: «Чтобы лечить душу, нужно знать тело. Чтобы лечить тело, нужно знать душу. Они неразрывны».

Мария Васильевна, моя бабушка, была врачом в те времена, когда врач — это не просто профессия, а призвание. Она работала в сельской больнице, где один доктор на три деревни, и принимала роды, лечила воспаления лёгких, вправляла вывихи, утешала умирающих. Она знала, что таблетка помогает не всегда. Что есть болезни, которые не лечатся химией. Что иногда человеку нужен не антибиотик, а разговор. Не капельница, а прикосновение.

«Медицина — это не наука, — говорила она. — Это искусство. Искусство понимать. Искусство слушать. Искусство любить». Она верила, что тело и душа — это не два разных

существа, а одно. Что болезнь тела часто начинается с болезни души. И что исцеление души часто начинается с исцеления тела.

«Врач лечит, природа исцеляет», — писал Гиппократ. Но бабушка добавляла: «А любовь помогает и тому, и другому».

Медицинский колледж находился в соседнем городе. Старое кирпичное здание с облупившейся штукатуркой, пахнущее хлоркой и старыми книгами. Я вошёл в него с трепетом — не тем трепетом, что бывает перед битвой, а тем, что бывает перед таинством. Здесь не сражались с демонами и тёмной материей. Здесь сражались с болезнью. С болью. Со смертью.

В первый день занятий я чувствовал себя чужим. Вокруг были студенты — молодые, взволнованные, кто-то только после школы, кто-то постарше. Они смотрели на меня с любопытством: возраст, спокойный взгляд, шрам на скуле, которого не было раньше, но который я получил в битве с Теневиками. Я не говорил им, кто я. Не рассказывал о сферах. Я пришёл сюда не учить — учиться.

— Артем? — окликнул меня преподаватель, пожилой мужчина с усталыми глазами и седыми усами. — Вы на фельдшерский?

— Да.

— Почему? В вашем возрасте обычно идут на повышение квалификации, а не с нуля.

— Хочу понимать, — честно ответил я. — Как устроено

тело. Как связаны душа и плоть. Где проходит граница между болезнью, которая приходит извне, и болезнью, которая рождается внутри.

Он посмотрел на меня внимательно — так, как смотрят врачи, привыкшие видеть больше, чем говорят пациенты.

— Это правильный вопрос, — сказал он наконец. — Большинство студентов хотят выучить симптомы и назначения. А вы хотите понять суть. Это сложнее. Но интереснее.

— Я готов.

— Тогда добро пожаловать в анатомичку.

Анатомический зал встретил меня запахом формалина и тишиной, нарушаемой только шорохом шагов. В центре стояли столы, накрытые белыми простынями. Преподаватель — его звали Иван Петрович — подошёл к одному из столов и откинул простыню.

— Это тело человека, — сказал он. — Он завещал его науке. Относитесь к нему с уважением. Он — ваш первый учитель.

Я смотрел на тело — пожилой мужчина с тонкими руками и спокойным лицом, — и думал о том, как странно устроена жизнь. Я видел тела элементарей, сотканные из кварков и глюонов. Я видел тела Адитьев, состоящие из света. Я видел тела Архитектора и Маары, сотканные из снов. Но это тело — человеческое — поразило меня больше всего. Потому что оно было настоящим. Уязвимым. Конечным. И в то же время — вместительным души.

— Мы начнём с костной системы, — сказал Иван Петрович. — Скелет. Основа. То, на чём держится всё остальное. Если вы не знаете, как устроены кости, вы не поймёте, как работает тело.

Я вспомнил Муладхару — красную сферу корня. Она тоже была основой. Той костью, на которой держался весь энергетический скелет. Без неё всё остальное теряло опору.

«Скелет — это архитектура тела, — говорил преподаватель. — А мышцы — его двигатели. Нервы — провода. Сосуды — трубы. А мозг — центр управления».

— А душа? — спросил кто-то из студентов.

Иван Петрович усмехнулся в усы.

— Душу, молодой человек, изучает не анатомия. Но если вы спросите меня, где она находится, — я скажу: везде. В каждой клетке. В каждом нерве. В каждом ударе сердца. Душа — это не орган. Душа — это жизнь.

«Тело — это храм души», — говорили древние. Но храм — это не просто здание. Это место, где обитает священное. Каждая кость, каждая мышца, каждый нерв — это часть храма. И когда храм разрушается, священное покидает его.

«Врач должен быть философом, — писал Гален, великий медик античности. — Ибо нет большой разницы между мудростью и медициной». Мудрость — это понимание связи между телом и душой. Медицина — это умение эту связь восстанавливать.

Бабушка говорила: «Болезнь — это не наказание. Болезнь

— это послание. Тело говорит с нами на языке боли. И если мы не слушаем, оно говорит громче. Пока мы не услышим».

Дни учёбы летели быстро.

Я погрузился в анатомию, физиологию, патологию с той же страстью, с какой когда-то погружался в изучение семи сфер. Я сидел над учебниками до поздней ночи, рисовал схемы, запоминал латинские названия. Алиса иногда заходила ко мне в комнату, ставила чашку чая на край стола и уходила, не говоря ни слова. Она знала: сейчас мне нужно сосредоточиться.

Особый интерес у меня вызывали темы, связанные с психосоматикой — связью между психикой и телом. Преподаватель, Иван Петрович, однажды прочитал лекцию, которая перевернула моё представление о медицине.

— Психосоматика, — говорил он, расхаживая перед доской, — это не шарлатанство, как думают некоторые. Это научный факт. Стресс вызывает выброс кортизола. Кортизол подавляет иммунитет. Подавленный иммунитет открывает дорогу инфекциям. Инфекция вызывает болезнь. Болезнь усиливает стресс. Круг замкнулся.

— Но как разорвать этот круг? — спросил я.

— Вот! — он поднял палец. — Правильный вопрос. Разорвать круг можно двумя способами. Первый — убрать стресс. Второй — укрепить иммунитет. В идеале — и то, и другое.

— А если болезнь вызвана не стрессом? Если это внешнее

воздействие? Вирус, бактерия, травма?

— Тогда мы лечим тело. Но даже в этом случае психика играет роль. Человек, который верит в выздоровление, выздоравливает быстрее. Человек, который опускает руки, умирает даже от неопасной болезни. Это не магия. Это наука. Плацебо и ноцебо — два брата-близнеца. Один исцеляет, другой убивает. И оба работают через мозг.

— Значит, грань между внешним и внутренним размыта?

— Именно! — Он посмотрел на меня с интересом. — Вы, Артем, задаёте вопросы, которые обычно задают на пятом курсе, а не на первом. Вы раньше учились?

— Учился, — уклончиво ответил я. — Но не медицине. Жизни.

«Душа и тело — это не две разные субстанции, — писал философ Барух Спиноза. — Это два атрибута одной и той же субстанции». То, что происходит в душе, отражается в теле. То, что происходит в теле, отражается в душе. Это не мистика — это физиология. Но в этом есть и магия.

Когда я смотрел на пациентов, которые выздоравливали благодаря вере, и на тех, кто умирал из-за отчаяния, я видел ту же энергию, что течёт через семь сфер. Свет, который мы носим в себе, — это не метафора. Это реальная сила. Сила, которая может исцелять. И сила, которая может убивать, если её заблокировать.

«Словом можно убить, словом можно спасти, — писал поэт Вадим Шефнер. — Словом можно полки за собой пове-

сти». Слово врача — это тоже оружие. Или лекарство. В зависимости от того, как его произнести.

Однажды вечером, после особенно трудного дня, я сидел на крыльце и смотрел на звёзды. Алиса вышла ко мне с двумя чашками чая и села рядом.

— Устал? — спросила она.

— Есть немного. Но это хорошая усталость. Как после битвы.

— Ты изменился за эти недели.

— В какую сторону?

— Ты стал... спокойнее. Глубже. Раньше ты был воином. Теперь ты становишься целителем.

— Одно другому не мешает. Воин защищает. Целитель восстанавливает. И то, и другое — служение.

— «Служение — это высшая форма любви», — процитировала она.

— Кто это сказал?

— Не помню. Может быть, твоя бабушка.

— Может быть. Она много чего говорила о служении. О том, что врач — это не профессия, а призвание. Что пациент — это не клиент, а гость. Что болезнь — это не враг, а учитель.

— Ты будешь хорошим врачом. Я знаю.

— Я ещё даже не фельдшер.

— Дело не в дипломе. Дело в сердце.

Она прижалась ко мне, и мы долго сидели молча, глядя

на звёзды. Где-то там, в Набха-локе, Савитар и Ушас учили новые поколения Адитьев. Где-то в Шамбале Ригден Джапо читал мантры. Где-то в ноосфере Стражи Пробуждения охраняли сны людей. А здесь, на Земле, я учился тому, что знала моя бабушка: исцелять.

Такшака пришёл поздно ночью, когда Алиса уже спала. Он выполз из своей норы под дубом и сел рядом со мной на крыльцо. Его чешуя мерцала в лунном свете, а плащ из лунного шёлка струился, как вода.

— Ты не спишь, — сказал он.

— Думаю.

— О чём?

— О том, как отличить внешнее воздействие от внутреннего. Как понять, что болезнь — это результат порчи, а не собственного настроя?

Такшака долго молчал. Потом ответил:

— В древней Индии, когда человек заболел, к нему призывали двух целителей. Один — вайдья, врач тела. Другой — брахман, врач души. Вайдья осматривал тело: пульс, язык, цвет кожи. Брахман осматривал душу: мысли, эмоции, поступки. И только вместе они ставили диагноз.

— Почему же сейчас не так?

— Потому что люди забыли о душе. Они думают, что тело — это машина. Сломалось — починили. Но тело — не машина. Тело — это храм. А в храме нужен не только механик, но и священник.

— Значит, я должен стать и тем, и другим?

— Ты уже становишься. Ты изучаешь тело. Но ты уже знаешь душу. Семь сфер, которые пробуждены в тебе, — это мост между ними. Используй их. Смотри не только на симптомы. Смотри на свет. Если свет человека тускнеет — значит, что-то поразило его изнутри. Если на свете есть тень — значит, что-то воздействует извне.

— Как отличить тень от тусклости?

— Тень имеет границы. Она отбрасывается чем-то. Тусклость — это угасание. Она не имеет границ. Она просто... уходит.

«Болезнь — это нарушение равновесия», — писал Гиппократ. Но он не уточнял: равновесия между телом и душой. Между внутренним и внешним. Между светом и тьмой. Я должен был научиться это равновесие восстанавливать.

На следующий день на практике в больнице я впервые увидел пациента, чья болезнь была явно вызвана внешним воздействием.

Это была женщина лет сорока. Она лежала на койке, бледная, исхудавшая, с тёмными кругами под глазами. Диагноз в карте был: «Хроническая усталость неясной этиологии». Проще говоря — врачи не знали, что с ней.

Иван Петрович подвёл меня к ней.

— Посмотрите, Артем. Классический случай. Все анализы в норме. Органы здоровы. Но пациентка угасает. Что вы скажете?

Я закрыл глаза и активировал Аджну. Синяя сфера между бровей раскрылась, и я увидел ауру женщины. Она была серой — не тёмной, не чёрной, а именно серой, как пасмурное небо. Но на этой серости были пятна. Тёмные сгустки, которые не принадлежали ей. Они были чужими. Привнесёнными.

— Это внешнее воздействие, — тихо сказал я. — Кто-то или что-то высасывает её энергию.

Иван Петрович посмотрел на меня с удивлением.

— Вы имеете в виду... порчу?

— Называйте как хотите. Энергетический вампиризм. Сглаз. Проклятие. Суть одна: её свет уходит не по её вине. Кто-то забирает его.

— И что вы предлагаете? Экзорцизм?

— Нет. Защиту. И восстановление.

Я подошёл к женщине и взял её за руку. Её пальцы были холодными. Я активировал Анахату — зелёную сферу сердца — и направил ей поток исцеляющей энергии. Свет хлынул из моей ладони в её, и я почувствовал, как её аура начинает очищаться. Тёмные пятна таяли, как лёд под весенним солнцем.

Женщина открыла глаза. Они были удивлёнными.

— Вы... что вы сделали? Мне стало легче. Впервые за много месяцев.

— Я просто напомнил вашему телу, как быть здоровым, — ответил я. — Остальное сделаете вы сами.

— Но как? Я не умею.

— Научитесь. Я помогу.

«Энергетический вампиризм — это не миф, — писал психолог Михаил Литвак. — Это реальность, которую можно объяснить с точки зрения психологии. Есть люди, которые питаются чужими эмоциями. Они провоцируют вас на гнев, на страх, на вину — и таким образом получают энергию». Но есть и другой вампиризм. Не психологический — энергетический. Когда кто-то сознательно или бессознательно подключается к вашему свету и высасывает его.

«Сглаз — это не суеверие, — говорила бабушка. — Это концентрация чужой негативной энергии на тебе. Как луч света, сфокусированный через лупу. Он может прожечь, если его не отвести». Я видел этот луч. Я видел эти пятна на ауре. И я знал, как их убирать.

Но важнее было другое: научить человека защищаться самому. Потому что исцеление, которое приходит извне, — временно. Исцеление, которое идёт изнутри, — навсегда.

Вечером того же дня я сидел в саду и записывал свои наблюдения в дневник. Алиса рисовала рядом, и её кисть тихо шуршала по бумаге.

— О чём пишешь? — спросила она.

— О том, что понял сегодня. О границе между внешним и внутренним. О том, что болезнь — это всегда диалог. Между телом и душой. Между человеком и миром. Между светом и тьмой.

— И как понять, кто в этом диалоге прав?

— Никто. Правда — не в победе одной стороны. Правда — в равновесии. В том, чтобы услышать обе стороны и найти третий путь.

— «Здоровье — это не отсутствие болезни, — процитировала она. — Здоровье — это гармония».

— Кто это сказал?

— Всемирная организация здравоохранения. Но я думаю, они позаимствовали это у Гиппократа.

— Или у моей бабушки.

Она рассмеялась — тем самым низким, грудным смехом, который я так любил. И я подумал: вот оно, исцеление. Не таблетки, не процедуры, не заклинания. Просто смех любимого человека в весеннем саду. Просто чашка чая на крыльце. Просто рука в руке.

«Лучшее лекарство — это любовь, — говорила бабушка. — Если она не помогает, увеличьте дозу».

Я закрыл дневник и взял Алису за руку. Её пальцы были тёплыми. Её свет пульсировал в такт моему. И в этот момент я знал: мы на правильном пути.

Глава 2. Ученики и скептики

Весна окончательно вступила в свои права. Яблоневый сад оделся в бело-розовую пену цветов, и пчёлы гудели над ветвями так громко, что этот гул был слышен даже в доме при закрытых окнах. Алиса поставила мольберт прямо под

дубом и рисовала цветущие яблони — но не так, как рисовала раньше. Теперь в её мазках появилась та самая глубина, которую она подсмотрела у великих мастеров в Галерее Вечности: свет, пронизывающий лепестки, был не просто белым — он был золотистым, тёплым, живым.

Я собирался в колледж. Сегодня должен был быть трудный день: семинар по дифференциальной диагностике, на котором мне предстояло отстаивать свою точку зрения перед преподавателями и однокурсниками. Тема: «Психосоматика: наука или шарлатанство?» Иван Петрович, который успел разглядеть во мне не просто студента, а единомышленника, специально выбрал эту тему, чтобы проверить мои аргументы.

— Ты волнуешься? — спросила Алиса, не отрываясь от мольберта.

— Немного. Не за себя — за идею. Психосоматика — это мост между тем, что мы знаем о сферах, и тем, что знает земная медицина. Если я смогу убедить хотя бы нескольких человек, что душа и тело — это одно целое, значит, я не зря учусь.

— Ты убедишь, — сказала она. — Ты всегда убеждаешь. Потому что ты не просто говоришь — ты чувствуешь. А чувство заразительно.

— «Нет ничего более заразительного, чем энтузиазм», — процитировал я.

— Кто это?

— Сэмюэл Тейлор Кольридж. Английский поэт. Бабушка любила его стихи.

— Твоя бабушка вообще знала всё на свете.

— Она знала главное. Что любовь и знание — это две стороны одной медали. И что одно без другого неполно.

«Знание — сила», — писал Фрэнсис Бэкон. Но он не добавил: знание без любви — это разрушительная сила. Можно знать анатомию, но не чувствовать боль пациента. Можно знать фармакологию, но не понимать, почему человек отказывается принимать лекарство. Можно знать патологию, но не видеть за болезнью душу.

«Медицина — это наука неопределённости и искусство вероятности», — говорил Уильям Ослер, один из основателей современной клинической медицины. Но я бы добавил: медицина — это ещё и искусство любви. Без любви врач — ремесленник. С любовью — целитель.

Бабушка говорила: «Знание без любви — это фонарь без масла. Светит, но не греет». Я хотел, чтобы моё знание грело.

В аудитории собралось человек тридцать. Студенты, несколько преподавателей, и среди них — Иван Петрович, который сидел в первом ряду и загадочно улыбался в усы. Он знал, что сегодня будет жарко.

Тема «Психосоматика: наука или шарлатанство?» была написана на доске крупными буквами. Рядом стояли два стула: один — для защитников научного подхода, другой — для защитников психосоматики. Я сел на второй.

Моим оппонентом оказался парень по имени Денис. Высокий, худой, с острым носом и вечно прищуренными глазами, он напоминал мне Дхуму, Повелителя Иллюзий, — но не внешностью, а манерой говорить. Его голос был сухим, уверенным, лишённым интонаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.